

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Г. РУДИН

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ТАМИЛЬСКОГО ЯЗЫКА *

В языках индийского ареала, а также в отдельных языках за его пределами (например, в таджикском) весьма распространены сочетания глагольных форм типа «смысловый глагол, как правило, в форме деепричастия (иногда именуемой также основой, абсолютивом) + образующий глагол в форме, определяемой синтаксической функцией сочетания в целом». В качестве образующих фигурируют глаголы, выступающие также самостоятельно. В составе сочетаний указанного типа образующим глаголам, однако, не могут быть без натяжек приписаны их «обычные» лексические значения. В основном как раз этот признак и позволяет отделить эти сочетания от обычных, неспецифических сочетаний глагольных форм; синтаксические же свойства такого специализированного сочетания не выходят за рамки (т. е. не бывают шире) нормальных для глаголов данного языка, употребляемых самостоятельно (разумеется, речь идет о тождестве свойств лишь при тождестве форм самостоятельных глаголов и образующих глаголов глагольных сочетаний).

Специализированные глагольные сочетания, или СГС (будем пользоваться этим термином — за неимением лучшего незанятого для обозначения всей рассматриваемой совокупности глагольных сочетаний) функционально отличаются от соответствующих смысловых глаголов в самостоятельном употреблении весьма различным образом. Приписывая эти отличия образующим глаголам, можно сказать, что образующие глаголы имеют весьма различные функции: видо-временные, модальные и иные.

Эти замечания, пожалуй, исчерпывают то общее, что характеризует специализированные глагольные сочетания языков индийского ареала. Различия же между языками проявляются и в числе употребляемых образующих глаголов, и в их списках, и в степени слитости со смысловыми глаголами, но еще в большей степени — в перечне и характере значений, передаваемых как отдельными образующими, так и всей системой образующих глаголов в целом. Если при сопоставлении списков образующих глаголов в различных языках приравнивать друг другу глаголы со сходными неспецифическими значениями (т. е. значениями вне специализированных сочетаний), то расхождения обычно заметны даже между близкородственными языками. Так, в тамильском списке нет соответствий малайяльскому образующему *kaliyuka* «заканчиваться», а в малайялам — тамильскому *viṭ* [u] «покидать». Однако существенными при сопоставлении систем образующих глаголов являются их специфические значения (функции) в

* Статья подготовлена к печати Н. В. Гуровым и Г. А. Зографом.

специализированных глагольных сочетаниях, и здесь расхождения между различными, в том числе близкородственными языками, более значительны. При этом сходство неспецифических значений глаголов отнюдь не гарантирует сходства их специфических функций и, с другой стороны, в сходных специфических функциях выступают зачастую глаголы, неспецифические значения которых совершенно различны. Например, *kaḷayuka* «швырять» в малаялам как образующий функционально близок тамильскому *viṭ* [u] «покидать», но отличается от тамильского *ṛōṭ* [u] «бросать» (подробнее о функциях этих тамильских образующих см. ниже).

Попарное и развернутое сопоставление систем специализированных глагольных сочетаний в языках индийского (или индоиранского) ареала было бы интересной и увлекательной задачей. Однако в настоящее время для этого не созрели условия в силу недостаточной полноты и адекватности существующих описаний этих систем в подавляющем большинстве языков. Ограничиваясь в настоящей статье материалом тамильского языка, мы, однако, надеемся, что некоторые из высказанных ниже соображений могут оказаться приемлемыми и для систематизации сопоставимого материала других языков ареала.

Специализированные глагольные сочетания тамильского языка V_{sp} состоят из деепричастия смыслового глагола V_{pv} и образующего глагола V_f , т. е. $V_{sp} = V_{pv} + V_f$. Здесь V_f является носителем всех грамматических категорий сочетания в целом, связанных с его синтаксической субординацией (т. е. определяющих «верхние» синтаксические связи сочетания), а также согласовательных категорий (выступая в функции сказуемого предложения, тамильский глагол согласуется с подлежащим в роде, числе и лице). Следовательно, V_f в составе сочетания способен принимать все формы парадигмы тамильского глагола, а смысловой глагол сохраняет при этом неизменную форму деепричастия.

Специфика этих сочетаний определяется не смысловыми, а образующими глаголами, список которых является закрытым. Вследствие этого наш анализ строится на переборе образующих глаголов и изучении функции каждого из них и характера связи его со смысловыми глаголами. Иными словами, будем рассматривать свойства и функционирование конкретных образующих, отвлекаясь от конкретности смысловых глаголов, причем в приводимых примерах специализированных сочетаний конкретный смысловой глагол будет считаться (кроме специально оговоренных случаев) представителем неограниченного списка глаголов, которые могут быть подставлены на его место.

С самого начала следует подчеркнуть, что сочетания $V_{pv} + V_f$ в тамильском языке распадаются на несколько крупных разрядов, противопоставленных друг другу а) типом грамматической функции и/или б) степенью ограничений на сочетаемость со смысловыми глаголами.

С этой разнотипностью специализированных глагольных сочетаний в основном и связана «мучительность» вопроса об отнесении этих сочетаний к области словообразования, синтаксиса или морфологии в различных языках. Материал тамильского языка диктует отказ от однозначного решения этого вопроса для всей системы в целом.

Прежде всего целесообразно выделить те из сочетаний рассматриваемого вида, которые имеют закрепленное лексическое значение, обычно не совпадающее с лексическим значением первого компонента, причем это значение не выводимо (полностью) из сложения с основным лексическим или специфическим значением второго компонента (т. е. «противоречит ожидаемому»). Таковыми, например, являются следующие:

koṇṭāṭ [u] «праздновать» < *koḷ* «брать» (*koṇṭ* [u] «взяв» + *āṭ* [u] «плясать»);

kāttiru «ждать» < *kā* «хранить» + *iru* «быть»;
kaṇṭupīti «открыть; сделать открытие» < *kaṇ* «[y] видеть» + *pīti* «хватать»;
kāṭṭik koṭu «выдать; предать» < *kāṭṭ* [u] «показывать» + *koṭu* «давать»;
collik koṭu «учить; преподавать» < *col* «говорить» + *koṭu* «давать»;
paṭittuk koṭu «учить; преподавать» < *paṭi* «читать» + *koṭu* «давать»;
koṇṭu vā «приносить» < *koḷ* «брать» + *vā* «приходить»;
koṇṭu pō «уносить» < *koḷ* «брать» + *pō* «уходить»;
vittuk koṭu «уступать» < *viṭ* [u] «покидать» + *koṭu* «давать».

Характерно, что глаголы, выступающие в качестве вторых компонентов приведенных выше сочетаний, либо не фигурируют в качестве V_2 других разрядов специализированных глагольных сочетаний (см. ниже), либо не придают им значений, характерных для других разрядов таких сочетаний. Идиоматичность этих сочетаний подчеркивается их у с т о й ч и в о с т ь ю — отсутствием свободы сочетаемости компонентов. Они не создаются в речи, а извлекаются из лексической памяти. Если учесть при этом тот факт, что компоненты этих сочетаний не обладают о т д е л и м о с т ь ю (не могут быть разделены иными словоформами, в том числе наиболее подвижными в тамильском — частицами, не допускают нормально паузы между собой) и имеют единое словесное ударение (приходящееся на начало первого компонента), то становится ясным, что нет препятствий к признанию каждого из этих конкретных сочетаний единым словом — с л о ж н ы м г л а г о л о м.

Другим структурным типам сложных глаголов, например, происходящим из сочетания инфинитива с глаголом (ср. *tōrkaṭi* «наносить поражение» < *tōrka* «потерпеть поражение» + *aṭi* «бить»), существительного с глаголом (ср. *accaṭi* «печатать» < *acc* [u] «печатать; печатание» + *aṭi* «бить»), их не противопоставляет ничто, кроме этимологии, деривационной структуры, и наряду с последними они должны помещаться в словаре.

К рассматриваемой группе сложных слов должен быть отнесен и глагол *eḷuntiru* «вставать» < *eḷ* [u] «вставать; подниматься» + *iru* «быть», особенностью которого является практически полное совпадение его значения со значением первого компонента. Однако он не обладает грамматическим значением перфекта, «ожидаемым» от сочетания деепричастия с *iru*, и, следовательно, обладает идиоматичностью (различие сфер употребления этих двух глаголов в основном определяется стилистическими соображениями: *eḷ* [u] более высокого стиля, чем *eḷuntiru*).

То, что мы имеем здесь дело с единичными словами, косвенно подтверждается судьбой некоторых из них в разговорном (т. е. диахронически более позднем) языке индийских тамиллов: *koṇṭuvā* > *koṇṭā*, *koṇā*; *eḷuntiru* > *ēntirī*. Происшедшие фонематические сдвиги (причем не несущие регулярного характера «фонетического закона», а индивидуальные) разрушили первоначальный фонематический облик одного или обоих компонентов, сделав очевидной невозможность усматривать в этих лексических единицах по две словоформы.

Из вышеизложенного следует, между прочим, нежелательность применения терминов «смысловый глагол» и «образующий глагол» (или иных, равнозначных им) к компонентам рассматриваемой группы сложных глаголов, как и к сложным глаголам вообще.

Среди сложных глаголов, как и вообще среди сложных слов, могут быть выделены группы по степени сохранности значений исходных для их образования свободных сочетаний, однако здесь нас этот вопрос, как и другие вопросы деривации и этимологии, интересовать не будет. Краткое рассмотрение сложных глаголов было необходимо именно для того, чтобы вывести их из поля зрения, прежде чем обратиться к вопросам собственно грамматическим.

Общей чертой остальных глагольных сочетаний рассматриваемого вида, является, как указывалось выше, их **г р а м м а т и ч н о с т ь**, т. е. более или менее полная свобода образования (возможность их производства в речи на базе неограниченного в принципе числа смысловых глаголов) и предсказуемость их функций (значений). Модель каждого из таких сочетаний включает в себя **а б с т р а к т н ы й** знак «деепричастие (смыслового) глагола» V_{pv} (или знак деепричастия крупного синтаксического подкласса глаголов, например, «деепричастие прямопереходного глагола» V_{pv}^{dir}) и **к о н к р е т н ы й** знак образующего глагола (например, vit [u]).

Эти **г р а м м а т и ч е с к и е** специализированные глагольные сочетания распадаются на две большие группы в соответствии с различием типа функций (значений), придаваемых глаголу их образующими. Назовем их временно группами СГС «А» и «Б».

Образующие глаголы группы «А» либо видоизменяют относительный временной план процесса (т. е. действия или состояния), выражаемого смысловым глаголом, либо указывают на характер его протекания, либо, наконец, изменяют актантную структуру глагольной конструкции (в рамках «сильного управления»). Сюда входят следующие СГС:

(1) $V_{pv} + iru = /u\dot{=}$	перфект I;
(2) $V_{pv} + \bar{a}yir[r] [u] / \bar{a}cc [u]$	перфект II (перфектный комплетив);
(3) $V_{pv} + ko\eta tiru = (ko\eta t[u] + iru =) / ko\dot{-}$	дуратив;
(4) $V_{pv} + v\bar{a}-$	прогрессив (ретроспективный);
(5) $V_{pv} + p\bar{o}-$	прогрессив (проспективный);
(6) $V_{pv}^{dir} + ko\dot{-}$	взаимно-возвратный залог;
(7) $V_{pv}^{dir lim} + iru = /u\dot{-}$	объектный результатив.

(1) СГС с образующим $iru =$ «быть» образуют перфект. Принимая формы трех основных (абсолютных) времен тамильского языка, глагол $iru =$ образует перфект прошедшего, настоящего и будущего времени. Например, *vantirukkirān* «(он) пришел» (и находится здесь) — перфект настоящего времени глагола $v\bar{a}-$ «приходить» (V_{pv} *vant* [u]).

Употребительны также причастия перфекта всех трех времен и все другие неличные формы перфекта, получаемые путем соответствующего изменения формы образующего глагола, за исключением деепричастия типа **vantirunt*[u].

Вариант (стилистический) парадигматических сочетаний «перфект настоящего времени» и «причастие перфекта» образуется дефективным глаголом $u\dot{-}$ «быть» (причастие $u\dot{l}la$): ср. *vantullān*, *vantullā*.

2) Образующий $\bar{a}yir[r] [u]$ — словоформа 3-го лица прош. времени ср. рода ед. числа глагола $\bar{a}/\bar{a}k[u]-$ «становиться» — образует **п е р ф е к т н ы й к о м п л е т и в** (перфект II), имеющий значение перфекта настоящего времени с оттенком подчеркнутой полноты, завершенности действия: *avaṇ cāppit̃t̃āyirru* «Он уже поел» (и сыт, не пуждается больше в еде).

Данное сочетание — типичный пример заимствования литературным тамильским разговорной синтаксической конструкции, причем это заимствование сопровождается соответствующей морфолого-орфоэпической коррекцией. Словоформа $\bar{a}cc [u]$ (также $\bar{a}cc [i]$, $\bar{a}ccut [u]$), соответствующая

¹ Знаком «дефис» отмечены основы «слабых» глаголов тамильского языка (например, $u\dot{-}$), знаком равенства — основы «сильных» глаголов (например, $iru =$). Перевод образующих с необходимыми пояснениями дан при разборе соответствующих СГС.

в разговорных диалектах литературной *āyir* [u], начинает проникать и в письменный литературный язык наименее формального стиля и еще более — в устный литературный язык. Таким образом, словосочетания типа вышеприведенного *sārpitāyirru* ни в один из периодов развития тамильского языка не существовали (в данном фонематическом облике) в разговорном языке.

(3) Образующий *konṭiru* = происходит из сочетания двух глаголов — *koḷ-* «брать» (в форме деепричастия *konṭ[u]*) + *iru* = «быть», однако сочетано целесообразным трактовать здесь это сочетание как единый образующий. Такое решение принято вследствие того, что, хотя оба глагола, составляющих данное сочетание, порознь выступают в качестве образующих СГС, ни одна из их функций (значений) не сохраняется ни в явном, ни в скрытом виде в данном сочетании. Образующий *konṭir* [u] отчетливо монофункционален, причем образуемое им парадигматическое СГС — дуратива (относительного времени, означающего протекание действия, как линейного, через момент или ограниченный промежуток, соответствующие абсолютному времени — прошедшему, настоящему или будущему) — занимает строго определенное и необходимое место во временной системе тамильского глагола. Пример: *paṭittuk konṭiruntān* «читал» (в определенный момент, а также до и после него).

Подобно перфекту, дуратив обладает также всеми неличными формами глагольной парадигмы, причем в форме «деепричастие дуратива» образующий глагол выступает в облике *konṭē* деепричастие от *koḷ-* + частица (в свободных сочетаниях усилительная) *ē*. Именно частица *ē*, вошедшая в состав этой иррегулярной формы в качестве аффикса, отличает деепричастие дуратива от деепричастий взаимно-возвратных и эготивных СГС (см. 6 и 16). Ср.: *marattil ērik konṭē* «взбираясь на дерево» (деепричастие дуратива) и *marattil ērik konṭu* «взобравшись на дерево» (деепричастие эготивного СГС) от *ēr[u]* «взбираться».

(4—5) Образующие *vā-* «приходить» и *rō-* «уходить» в сочетании с деепричастием главного глагола создают прогрессив — парадигматическое СГС со значением длительно и непрерывно развивающегося или продолжающегося без затухания действия. При этом образующий *vā-* означает, что действие «приходит» из прошлого, достигая момента, соответствующего основному временному плану — плану прошедшего, настоящего или будущего времени, указываемому формой времени этого образующего, — и проходя через этот момент. При этом момент начала действия может не указываться и не существовать в сознании: *avan tamil paṭittu vantān* «он (все время) изучал тамильский язык» или «он продолжал изучать тамильский», или «он изучал и изучал тамильский», или «он все больше и больше учил тамильский».

Значение образующего *rō-* отличается тем, что действие мыслится как направленное в будущее по отношению к соответствующему временному плану: *avan vēlai ceytu rōnān* «он стал работать дальше; он продолжил работу».

Основные отличия значения прогрессива от значения дуратива заключается в следующем: а) наличествует оттенок развития, расширения масштабов самого действия и/или накопления его результатов; б) действие мыслится как достаточно продолжительное, масштабное; в) время, в течение которого продолжается действие, хотя и захватывает точку соответствующего временного плана, но мыслится как расположенное асимметрично по отношению к этой точке.

В то же время значения дуратива и прогрессива не являются несовместимыми, что отражается в факте сочетаемости соответствующих образующих в сложных СГС (см. табл. 1).

Таблица 1¹

Первый образующий сложного СГС		Второй образующий сложного СГС														
		(1) <i>iru/ul=</i>	(2) <i>ā</i>	(3) <i>koṇṭiru</i>	(4) <i>vā</i>	(5, 12) <i>pō</i>	(8) <i>pār</i>	(9) <i>kaṭṭu</i>	(10) <i>vai</i>	(11) <i>pōḷu</i>	(13) <i>viṭu</i>	(14—15) <i>tīr= tīr-</i>	(16) <i>ko</i>	(17—18) <i>tolai= tolai-</i>	(19) <i>aruḷ</i>	(20) <i>makil</i>
(1)	<i>iru</i>	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
(2)	<i>āyīrr/ul</i> (<i>ā-</i>)	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	+	—	∅	+	∅	∅
(3)	<i>koṇṭiru</i>	∅	∅	∅	+	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
(4)	<i>vā</i>	+	+	+	∅	—	—	+	—	—	+	(+)	—	(+)	+	+
(5, 12)	<i>pō</i>	+	+	(+)	—	∅	—	—	(+)	(+)	+	+	(+)	+	+	+
(8)	<i>pār</i>	+	+	+	+	—	∅	—	—	+	+	+	(+)	+	(+)	+
(9)	<i>kaṭṭu</i>	+	(+)	+	(+)	—	+	∅	(+)	(+)	+	+	+	+	+	+
(10)	<i>vai</i>	+	+	+	(+)	—	—	(+)	∅	(+)	+	(+)	+	(+)	+	+
(11)	<i>pōḷu</i>	+	+	+	+	—	—	—	(+)	∅	+	+	+	+	(+)	+
(13)	<i>viṭu</i>	+	—	—	—	(+)	—	—	—	—	∅	—	—	—	—	+
(14—15)	<i>tīr= tīr-</i>	(+)	+	+	(+)	—	—	—	—	(+)	+	∅	—	+	(+)	+
(16)	<i>koḷ</i>	+	+	∅	(+)	(+)	—	+	—	—	+	(+)	∅	(+)	+	+
(17—18)	<i>tolai= tolai-</i>	+	+	(+)	(+)	—	—	—	—	(+)	+	+	+	∅	—	+
(19)	<i>aruḷ</i>	+	(+)	(+)	+	—	—	—	(+)	—	(+)	—	+	(+)	∅	+
(20)	<i>makil</i>	+	(+)	(+)	+	+	—	—	—	—	+	—	—	(+)	—	∅

¹ / означает недопустимость сочетания, знак минус — отсутствие сочетания, знак плюс — наличие сочетания (плюс в скобках — его относительную редкость)

Следует учесть, что *рō-* выступает и как образующий одного из модально-модифицирующих СГС (см. 12).

(6) Образующий *kol-* «брат», присоединяясь к деепричастию переходных, в том числе каузативных (лексический каузатив) глаголов, образует СГС со значением, отличающимся от значения главного глагола, причем здесь возможны два случая.

1. СГС с прямопереходным главным глаголом V_{pv}^{dir} и его подлежащее имеют форму мн. числа. Агенса, соответствующий подлежащему, выражает расчлененное множество «деятелей» — лиц, предметов. Удобно поэтому представлять себе агенса как состоящий из соответствующего множества ч л е н о в. Значение СГС заключается в том, что каждый член агенса совершает действие, означаемое главным глаголом, таким образом, что объектом этого действия является другой или другие члены агенса (и, следовательно, сам одновременно является объектом того же действия со стороны другого или других членов агенса). Иными словами, все члены агенса (и только они) являются одновременно членами объекта². Ср.: *avarkaḷ... aṭittārkaḷ* «они побили...» и *avarkaḷ aṭittuk koṇṭārkaḷ* «они побили друг друга; они подрались».

Данное СГС не является в тамильском языке единственным средством выражения «взаимного действия» и даже не очень распространено. Более обычно лексико-фразеологическое выражение взаимнопереходного действия — использование в качестве прямого дополнения оборотов *oruvarai oruvar*, *onṅai onṅi* «друг друга», реже наречия *parasparam* «взаимно; друг друга». Если учесть при этом многозначность глагола *kol-* в качестве образующего СГС (см. также 3 и 16), то становится понятным, почему даже при наличии рассматриваемого СГС в предложении зачастую одновременно используются и вышеуказанные лексико-фразеологические единицы: *avarkaḷ parasparam (oruvarai oruvar) aṭittuk koṇṭārkaḷ* «они подрались».

Тем не менее, налицо сдвиг в синтаксической валентности СГС по сравнению с исходным глаголом — потеря прямопереходности, способности подчинять прямые дополнения за исключением специализированных (со значением «друг друга»).

В то же время следует обратить внимание на тот факт, что лексическое значение глагола, строго говоря, остается тем же. Происходит лишь у м н о ж е н и е ситуации, выражаемой глаголом, плюс перекрестное с л о ж е н и е элементов результирующих однородных ситуаций — агентов и объектов.

2. СГС передает то же значение, что и исходный прямопереходный глагол, однако объектом обозначаемого действия на семантическом уровне становится сам агенс, выраженный подлежащим. Из синтаксической конструкции соответственно исключается прямое дополнение. Ср.: *avan... kaḷuvīṇāṇ* «он вымыл...» и *avan kaḷuvik koṇṭāṇ* «он умылся».

Рассмотренные здесь залоговые СГС с образующим *kol-* следует строго отграничивать от модального СГС с тем же образующим (см. 16).

(7) От СГС перфекта I следует отличать омонимичное ему СГС объектного результиativa, образуемого от группы прямопереходных глаголов, относящихся к семантическому разряду результиативных³. В конструкции с этим СГС агенс не выражен, а объект выражен подлежащим. Значение СГС — состояние объекта, являющееся необходимым результатом («пределом») процесса, знаком которого служит главный глагол. В дан-

² Если члены агенса обозначают предметы (лица) недостаточно однородные, чтобы быть обозначенными одним именем, то агенс выражается несколькими соподчиненными (т. е. однородными или «сочиненными») подлежащими.

³ Подробнее см.: С. Г. Рудин, Залоги в современном тамильском языке, сб. «Топология пассивных конструкций», Л., 1974.

ной конструкции возможны все три абсолютных времени, однако неличные формы СГС объектного результата не возможны. Ср.: *katavu mūṭi iruntatu* «дверь была закрыта» и *katavu mūṭi irukkiratu (uḷḷatu)* «дверь закрыта».

Субъективный результатив, образуемый непереходными предельными глаголами *uṭkār-* «садиться», *paṭu* = «ложиться» и т. п. (*uṭkarntiruntān* «сидел», *paṭuttirukkirān* «лежит» и т. п.), не образующий, в отличие от объектного результата, особой конструкции, отличной от перфектной (прочих непереходных глаголов), объединяется в этой работе с СГС перфекта и отдельно не рассматривается.

Образующие группы «Б» либо определенным образом изменяют референтную соотношенность глагола (если бы не свобода их дистрибуции по отношению к смысловым глаголам и не регулярность сдвига значения — предсказуемость результирующего значения СГС, то можно было бы говорить об изменении лексического значения смыслового глагола), либо привносят то или иное модальное значение, связанное с оценкой означаемого процесса автором речи.

В эту группу входят следующие СГС:

(8) $V_{pv} + p\bar{a}r =$	тентативное
(9) $V_{pv} + k\bar{a}ṭṭ [u]-$	демонстративное
(10) $V_{pv}^{dir} + vai =$	фиксативное
(11) $V_{pv}^{dir} + p\bar{o}ṭ[u]-$	ирретрибутивное
(12) $V_{pv}^{int} + p\bar{o}-$	ирретрибутивное, ремотивное
(13) $V_{pv} + viṭ[u]-(iṭu)-$	дефинитивное
(14) $V_{pv}^{dir} + t\bar{i}r =$	конклюдзивное
(15) $V_{pv}^{dir} + t\bar{i}r-$	
(16) $V_{pv} + koḷ-$	эготивное
(17) $V_{pv}^{dir} + tolai =$	пейоративное
(18) $V_{pv}^{dir} + tolai-$	
(19) $V_{pv} + arul-$	фаворативное
(20) $V_{pv} + makil-$	беативное

(8) Образующий *pār* = «(по) смотреть» привносит значение «попробовать; попытаться»: *eṭuttup pārttān* «попытался (попробовал) поднять».

(9) Образующий *kāṭṭ [u]-* «показывать» привносит значение «показать» (как выполнять действие, называемое главным глаголом), «учить» (делать что-л. путем показа): *eṭutik kāṭṭinān* «показал, как писать; научил писать» (например, какое-нибудь слово).

Образующий последнего СГС изменяет семантическую соотношенность глагола (иначе — обозначаемую им ситуацию), причем не только конкретно-качественно, но и структурно-количественно: новым партиципantom ситуации становится адресат действия, а в синтаксической конструкции появляется, соответственно, косвенное дополнение (адресата). Это расширение глагольной валентности является, однако, лишь результатом сложения (теоретико-множественного) валентностей обоих глаголов, так как *kāṭṭ[u]* сильно управляет косвенным дополнением (адресата); и если бы данное СГС рассматривалось как свободное синтаксическое словосочетание, то косвенное дополнение принадлежало бы только глаголу *kāṭṭ [u]*, а прямое дополнение могло бы быть у них и общим.

Образующий *pār* = видоизменяет семантическую соотношенность, но не синтаксическую соотношенность главного глагола (также в результате сложения валентностей, так как валентность основного глагола либо равна валентности двухвалентного *pār* =, либо больше ее).

Эти СГС не могут, впрочем, трактоваться как свободные неспециализированные глагольные сочетания ввиду того, что семантический результат присоединения их образующих к деепричастиям, при всей регулярности, не выводим из семантики компонентов и грамматической семантики сочетания «деепричастие + глагол» (*eṭuttup pārttān* как СГС не значит «поднял, а потом посмотрел», а *eṭutik kāṭṭinān* не значит «написал, а потом показал»). Дополнительным доказательством специализации этих сочетаний является то, что постановка прямого и косвенного дополнений (как и слабоуправляемых членов предложения) между их компонентами невозможна.

(10) Образующий *vai* = «класть» выступает в СГС со значением «закреплять, сохранять» результат действия, выраженного главным глаголом, который всегда бывает прямопереходным. Дополнительно ему обычно бывает свойственно значение действия для себя, в свою пользу, заинтересованности: *eṭuti vaittān* «записал» (например, в свой блокнот), *vaittu vaittān* «отложил» (впрок, про запас; здесь главный глагол — «тот же» *vai* = «класть»).

(11) Образующий *rōṭ[u]* также употребляемый только при переходных глаголах, придает их лексическому значению оттенок окончательности, бесповоротности результата действия, обычно при этом отрицательного, нежелательного, часто разрушительного, катастрофического характера. Если даже указанный характер действия и его результата может иногда считаться характеристикой объективных черт этого действия, все же в СГС этого типа всегда присутствует элемент субъективной оценки: *alittur pōṭṭān* «разрушил; погубил»; *colḷip pōṭṭān* «сказанул, брякнул, ляпнул».

(12) Образующий *rō* — «уходить» присоединяется к непереходным глаголам движения и к некоторым — также непереходным — изменениям состояния, сообщая им или подчеркивая в них значение удаления (в пространстве или времени), а также значение бесповоротности, окончательности результата процесса: *ōṭip rōṇān* «убежал»; *alintu rōṇān* «погиб».

Следует отметить, что трудно отделить данные СГС в значении удаления во времени от СГС проспективного прогрессива (см. 5). Например, *nṭittup rō* «тянуться; длиться» по значению, скорее, прогрессив, а *kalintu rō* «проходить; протекать» (безвозвратно) семантически ближе к рассматриваемому здесь ирретрибутивному СГС, но это различие, видимо, определяется не в последнюю очередь лексическим значением главных глаголов. В то же время в определенных контекстах картина может оказаться и обратной.

Что касается объективного и оценочного (субъективного) элементов в значении рассматриваемого СГС, то здесь остаются в основном справедливыми замечания, сделанные выше в отношении СГС с *rōṭ[u]*.

Из актуальных СГС с ирретрибутивным значением можно выделить *cettup rō* «умирать». Глагол *cā* — «умирать» (деепричастие *cett[u]*) в современном языке почти не употребляется вне этого сочетания, что придает последнему лексикализированный характер и сближает со сложными глаголами.

(13) Частотность образующего *viṭ[u]* превышает частотность любого другого образующего, причем повышается по мере движения от высокого стиля к низкому и далее — к разговорным формам тамильского языка. В то же время значение его труднее всего уловимо. Следует, однако, отметить, что *viṭ[u]* налагает видовое ограничение на значение форм простого прошедшего и будущего времени, вообще неопределенных в видовом плане, так что они выражают лишь законченный однократный процесс. Так, если *rōṇān* (прош.) значит «пошел» или «шел», то *rōy viṭtān* — только «пошел». Можно, кроме того, усматривать в значении этого образующего модальный оттенок определенности, уверенности (вследствие чего

данное СГС мы вслед за П. Кодандараманом⁴ именуем дефинитивным). СГС с *viṭ[u]* обладает всеми формами глагольной парадигмы. Характерно, что он может следовать не только за деепричастиями любых неслужебных глаголов, но и всех образующих, кроме образующего перфект *ir [u]* = (которому он может, однако, предшествовать) и дуративного *koṇṭiru* =. Формы актуального дефинитивного СГС не отличаются какими-либо синтаксическими свойствами от форм основного глагола, от которого оно образовано.

В разговорном тамильском первый слог глагола *viṭ[u]*- выпадает (ср. *vant [uṭ] tā* = *vantu viṭṭān*), так что этот глагол обращается в аффикс (варианты этого аффикса *-ṭ[u]*- — *piṭ[u]*- и принадлежащий западному диалекту *pūṭ[u]*- происходят, по-видимому, из сочетания образующих глаголов *pōu viṭ[u]*). Именно с этим фактом следует связывать довольно широкое использование в средневековой и современной поэзии, а также в псевдоклассическом стиле современной прозы глагола *iṭ[u]*- (независимое значение — «ставить; класть») в тех же случаях и приблизительно в тех же масштабах, в каких в иных стилях современного языка используется *viṭ[u]*- (*-ṭ[u]*-). При этом в текстах, где используется *iṭ[u]* =, как правило, не используется *viṭ [u]* =. Представляется несомненным, что здесь мы имеем дело с отражением в литературном языке развития разговорной формы (*viṭ[u]* в *-ṭ[u]*-), т. е. фактически с заимствованием из разговорного языка, причем необходимая при этом «коррекция» приняла форму привлечения глагола *iṭ[u]* в качестве представителя аффикса *-ṭ[u]*- (всегда следует за гласными *и* или *i*, часто, впрочем, подвергающимися редукции), происходящего из другого глагола — *viṭ[u]*-.

(14—15) Конклюдзивные (терминативные) СГС образуются сильным образующим *tīr* = при прямопереходных и слабым образующим *tīr*- при непереходных и косвеннопереходных глаголах соответственно. Значение *tīr* = в независимом употреблении — «завершать; разрешать, решать, улаживать», а *tīr*- — «прекращаться; иссякать; решиться, разрешиться, быть улаженным»⁵. Значение их в СГС — окончательное завершение действия с оттенком «избавления», освобождения от необходимости дальнейшего его совершения: *puttakam paṭittut tīrttān* «прочел (наконец) книгу»; *tērvil tērit tīrtān* «сдал экзамен».

(16) Образующий эготивного СГС *koḷ*:- а) передает значение действия для себя, заинтересованности в результатах действия; б) зачастую также имеет (само) уничижительный оттенок «позволить себе», «взять на себя смелость»; в) при обращении к другому лицу, наоборот, оттенок почтительной вежливости («соблаговолите...»); г) при переходных глаголах может придавать их значению оттенок приближения объекта к субъекту действия. Ср.: *vāṅkik koṇṭān* «купил»; *taṅkaḷukkiputtakam anuppiṭ koḷ-kirēn* «(почтительно) посылаю Вам книгу»; *uṭkārntu koḷḷuṅkaḷ* «садитесь, пожалуйста; соблаговолите сесть»; *kaḷ eṭuttuk koṇṭān* «взял (поднял) камень» (*eṭu* = «поднимать»).

(17—18) Образующие пейоративных СГС передают отрицательное отношение к выражаемому главным глаголом процессу и/или к субъекту этого процесса, выражаемому подлежащим. В самостоятельном употреблении сильный прямопереходный глагол *tolai* = значит «губить, уничто-

⁴ P. K o t h a n d a r a m a n, Contrastive analysis of Tamil and Telugu (unpublished Ph. D. Thesis submitted to Annamalai University, Annamalai nagar, 1969).

⁵ В литературе встречаются случаи использования слабого образующего глагола *tīr*- и при переходных V; однако д-р Ганешсундарам отрицает грамматичность подобных сочетаний. Видимо, существуют идиолектные разновидности тамильского языка, допускающие употребление *tīr*- в качестве обобщенного конклюдзивного образующего с глаголами любой качественной валентности, в том числе и с прямопереходными.

жать», а также «удалять, устранять», а слабый непереходный *tolai-* — «гибнуть, пропадать», а также «уходить, удаляться». Оттенки передаваемого таким путем отрицательного отношения — это презрение, ненависть, раздражение, озлобление. Все высказывание приобретает довольно грубую, «ругательную» окраску, так что в адекватном переводе могут быть использованы, в частности, такие выражения, как «ко всем чертям» и т. п. Деепричастия и условные деепричастия этих СГС неупотребительны. Примеры: *pōyt tolaintān* «ушел, черт бы его побрал; убрался (к черту); укатил (слава богу)»; *ēlutit tolaikka vēṇṭum* «пусть пишет (пишут), черт с ним (с ними)».

(19) Фаворативное СГС, образующий которого *aruḷ-* (косвенно- и прямо-переходный) имеет значение «оказывать милость», а также «даровать, жаловать», близко к свободным неспециализированным подчинительным сочетаниям глаголов. Специализированное значение его образующего, поскольку можно говорить о таковом, прямо следует из его неспециализированных значений: значение его в СГС заключается в том, что действие субъекта, называемое главным глаголом, рассматривается автором речи как акт милосердия, снисхождения (по отношению к автору речи и/или другим лицам), например, *avar vantarūḷinār* «он сообразовал прийти; он пожаловал».

Качественная и количественная валентность СГС при этом равна валентности главного глагола, как бы поглощающей самостоятельную валентность образующего глагола, — в этом, а также в совпадении временных планов обоих глаголов в едином временном плане СГС, и заключается возможность, пусть маргинальная, включения данного сочетания в число СГС. В качестве неспециализированного это сочетание привело бы к такому толкованию вышеприведенного предложения: «Он пришел и оказал милость...» (кому? — конструкция требовала бы косвенного дополнения).

(20) Подобный же характер, но еще менее специализированный, носит беативное сочетание $V_{pv} + makiḷ-$. Используя образующий *makiḷ-* «радоваться», автор речи оценивает действие (состояние) субъекта как приносящее ему радость, удовольствие или как благополучное, «благоденственное» для этого субъекта: *avaṇ manāivi makkaḷuṭaṇ vāṇtu makiḷntān* «Он (в радости и довольстве) жил с женой и детьми»; *paṭaṇkaḷaip pārṭtu makiḷṇkaḷ* «посмотрите картинки; полюбуйте картинками».

Как видно из второго примера, данное СГС иногда допускает — с небольшой натяжкой — толкование второго глагола как обозначающего процесс, отдельный (хотя и зависимый) и по времени следующий за процессом, знаком которого является первый глагол (сначала «посмотреть», потом «обрадоваться»). И лишь необходимость этой небольшой «натяжки» (т. е. диахронизации), а также несколько стертый, неконкретный характер беативного значения глагола *makiḷ-* в этом сочетании, «непомерная» употребительность его по сравнению с разумно ожидаемой от самостоятельного глагола со значением «радоваться» плюс невозможность вторжения иных членов предложения между составляющими данного сочетания делает возможной трактовку его как СГС.

Дальнейшую ступень сближения с неспециализированными свободными синтаксическими сочетаниями являет собой сочетание деепричастий переходных глаголов с глаголом *muṭi-* «кончать», имеющее значение «оканчивать действие, называемое первым компонентом сочетания». С СГС это сочетание сближается тем, что глагол *muṭi-* управляет формой деепричастия, имеет общее с ним прямое дополнение (и никаких «своих» подчиненных членов предложения) и в то же время означает не последующее независимое действие, а завершение того же действия: *vēlaiyaic ceytu muṭittān* «закончил работу, выполнил работу» (букв. «работу сделав-закончил»).

Однако раздельное восприятие действий, выраженных двумя глаголами, хотя и стертое в переводе приведенного примера, достаточно в духе тамильского языка, вообще склонного расчленять описание даже единого действия на его элементы и передавать его соответственно цепочкой глаголов в форме деепричастия (кроме последнего)⁶. Это обстоятельство, несомненно являющееся источником образования системы СГС и сложных глаголов, в то же время делает зыбкой почву для включения рассматриваемого здесь сочетания в число СГС. Действительно, выражение идеи «он сделал работу и (тем самым) закончил (ее)» или иначе «он закончил работу, сделав (ее)» при помощи сочетания деепричастия глагола *seu*- «делать» с глаголом *miṭi*= «заканчивать» естественно для тамильского языка. Изложенное побуждает провести границу между СГС и неспециализированными свободными сочетаниями «выше» сочетания $V_{pv} + miṭi$ =, т. е. не включать его в число СГС.

Из вышеизложенного анализа вытекает целесообразность следующей классификации СГС тамильского языка типа $V_{pv} + V_f$:

СГС($V_{pv} + V_f$)	I. Лексикализованные (= сложные глаголы) II. Грамматические
II. Грамматические СГС	A. Парадигматические (аналитические формы и супер-формы) B. Непарадигматические (составные глаголы)
A. Парадигматические (аналитические формы)	1. Видо-временные (1—3) 2. Видовые (4, 5) 3. Залоговые (6, 7)
B. Непарадигматические (составные глаголы)	1. Модифицирующие (8, 9) 2. Модально-модифицирующие (10—15) 3. Модальные (16—20)

Многие образующие СГС способны сцепляться попарно, причем первый из них имеет форму деепричастия. В таких сложных СГС сохраняются значения (функции), привносимые обоими V_f . Попарная сочетаемость образующих показана в табл. 1⁷.

Изучение таблицы позволяет сделать некоторые общие выводы.

а) Образующие глаголы не сочетаются сами с собой (однако образующие *viṭ[u]*- и *iru*= могут оформлять СГС с глаголами *viṭ[u]*- «бросать, покидать» и *iru*= «быть» в качестве г л а в н ы х глаголов).

б) Видо-временные образующие (1), (2), (3) не сочетаются друг с другом и крайне редко следуют за другими образующими. Возможны, однако, (2) + (13) *āy viṭ[u]*-(в форме *āy viṭṭat[u]*) без заметного изменения значения по сравнению с (2) *āyir [u]*-; (2) + (17—18) — перфектный комплекс с пейоративным оттенком и (3) + (4) *koṇṭiruntu vā* — прогрессив-дуратив, выражающий устойчиво развивающееся или длящееся и непрерывное действие: *tūṅkik koṇṭiruntu vantān* «(с тех пор) все спал и спал; и пошел себе спать да спать».

в) С другой стороны, эти же глаголы способны предшествовать почти всем прочим образующим, что вполне естественно, поскольку обязательное в определенных контекстуальных и синтаксических условиях выражение в тамильском соответствующих значений относительного времени не вступает обычно в противоречие с теми модификациями значения, которые выражаются иными, чем временные, образующими глаголами.

⁶ Эту черту тамильского и других языков индийского ареала уместно связать с отсутствием префиксации, вследствие чего мы здесь не находим богатых гнезд родственных глаголов, передающих различные вариации одного и того же процесса.

⁷ Таблица выверена с помощью лингвиста-тамилд-ра П. Ч. Ганешсундарам (Р. С. Ganeshsundaram), сотрудника Indian Institute of Science в г. Бангалуре, во время его визита в СССР в 1970 г.

г) Отмеченная выше универсальная употребительность и почти пустое значение образующего глагола (13) *viṭ[u]*- проявляется также в его способности следовать за всеми другими образующими, кроме перфектного (1) и дуративного (3). С другой стороны, за ним могут следовать только перфектный (1) и глагол (5, 12) *pō-*, последний, впрочем, в литературном языке весьма редко и, по-видимому, не в значении прогрессивного образующего (5), а только в ремотивном и ирретрибутивном значениях (12).

д) Взаимная сочетаемость других образующих, закреплённая языковым узусом, не всегда может быть объяснена совместимостью/несовместимостью их синтаксических и семантических свойств и, по-видимому, в заметных пределах колеблется от идиолекта к идиолекту. Тем не менее, нетрудно убедиться в том, что именно смысловая несовместимость лежит в основе «отказа» многих образующих сочетаться между собой.